
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Александрѣ Петровнѣ Туруновой
въ знакъ искренняго уваженія
отъ Автора.

11 Апрѣля, 1837.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЛУКЬЯНА ЯКУБОВИЧА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЛУКЬЯНА ЯКУБОВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Гуттенберговой Типографіи.

—

1837.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Марта 11 дня 1837 года.

Цензоръ *Никитенко.*

Canta o caminhante ledo
No caminho trabalhoso,
Por entre o espesso arvoredo:
E de noite o temeroso
Cantando refrea o medo.
Canta o preso docemente
Os duros grilhôes tocando;
Canta o segador contente;
E o trabalhador cantando
O trabalho menos sente.

Camoëns.

Веселый странникъ поетъ во время труднаго пути своего чрезъ глубину лѣса, и когда посреди ночи, внезапный ужасъ объемлетъ его — пѣніемъ разсѣеваетъ онъ страхъ свой. Тихо поетъ затворникъ, сочетая свой голосъ съ отзывами тяжкихъ тюремныхъ дверей; земледѣлецъ поетъ довольство свое; пѣніемъ услаждаетъ несчастливецъ свои горести.

Камоэнсъ.

I

ДУБЪ ВЪ ПЕТЕРГОФѢ.

Зеленые кудри наметомъ раскинулъ
Таинственникъ древній завѣтныхъ дубровъ:
О, дубъ! разскажи мнѣ: который вѣкъ минулъ,
Когда ты родился, мой старецъ лѣсовъ?

Запомнишь-ли время, когда предъ тобою
Дымилися жертвы, молились жрецы?
И сколько сраженій имѣлъ ты съ грозою?
Какіе тобою вѣнчались пѣвцы?

«Въ глуши недоступной на тундрѣ рожденный,
Не зрѣлъ предъ собой я ни жертвъ, ни жрецовъ,
И битвъ не считалъ я съ грозой разъяренной,
Доселѣ не вѣнчалъ я безсмертныхъ пѣвцовъ:

«На дѣвственной вѣтви орелъ жилъ когда-то,
И шелестомъ крыльевъ мой сонъ нарушалъ,
А долу, подъ сѣнью, гдѣ высохло блато —
По тяжкой работѣ Царь Петръ отдыхалъ.»

II

СТАРЫЙ РУССКІЙ ЗАМОКЪ.

Гдѣ волной сребряно-шумной
Бьетъ Нарова о гранитъ, —
Тщетно въ ярости безумной,
За волной волну клубитъ, —

На горѣ есть замокъ древній;
Мечь и времени рука,
Истребивъ окрестъ деревни,
Пощадили старика.

Старецъ, что ты мраченъ нынѣ?
Вкругъ тебя кипитъ народъ,
И какъ прежде по ложбинѣ
Рѣчка свѣтлая течетъ.

Иль грустишь ты, замокъ старый,
О минувшихъ временахъ?
Иль еще звучатъ удары
Шведскихъ ядеръ на стѣнахъ?

« Я гляжу печальнымъ окомъ
На изнѣженный народъ.
Я въ раздумiи глубокомъ:
Ихъ мой взоръ не узнаетъ!

« Не совсемъ зажили раны
Хоть отжилъ я грозный вѣкъ:
Ночью, въ нихъ гнѣздятся враны,
Днемъ обходитъ человѣкъ.

« Я завидую Наровѣ,
Хоть она меня старѣй:
Каждый годъ ей по обновѣ
Шлетъ Нептунъ, отецъ морей.

«И старушкою забыто,
Что унесь минувшій годъ;
Все нечистое — ей смыто;
Все поитъ она народъ.

«Я же, хилый, время трачу,
Жизнь полезную сгубя;
Но на жребій мой не плачу:
Гибну, родину любя.»

III

МОЛНІЯ.

За чѣмъ съ небесной высоты,
Изъ горняго жилья,
На лонѣ бури мчишся ты,
Громовая струя . . . .
По небу рѣешь и браздишь
Сгущенны облака,
И долу падая разишь
Жилище бѣдняка?

За чѣмъ, пронзая душу мнѣ,
Ее терзаешъ ты,
Подобно Зевсовой стрѣлѣ
Поэзія мечты....
Не озаряешь жизни путь,
Какъ молнія летишь,
Сверкаешь, падаешь на грудь
И сердце пепелишь?

IV

ВОДОПАДЪ.

Вонъ тамъ, гдѣ вѣчно по уступамъ
Гремитъ и блещетъ водопадъ
И гдѣ подобно мерзлымъ трупамъ
Граниты синіе стоятъ:
Оцѣпенѣвъ окрестность дремлетъ,
Лишь звѣрь, припавши на скалѣ,
Паденью водъ нагорныхъ внемлетъ,
Глядясь въ ихъ зыбкомъ хрусталѣ.

Какъ водопадъ, кипитъ и рвется
Могучій мыслію Поэтъ:
Толпа на звукъ не отзовется,
На чувства чувствъ у черни нѣтъ;
Лишь другъ природы просвѣщенный
Среди лѣсовъ своихъ, въ глуши,
Вполнѣ оцѣнитъ трудъ священный,
Огонь божественный души.

V

ДОЧЬ И ПРІЕМЫШЬ.

Рѣка струитъ лазоревыя волны;
Плывутъ по ней суда;
Куда ты шлешь лазоревыя волны,
Куда несешь суда?

« Я волны шлю попировать на море,
Въ раздольѣ поиграть;
Суда несу съ корыстію я—въ море
Съ волнами поиграть.

« Волна мнѣ дочь: ее держу я въ нѣгѣ,
На праздникъ въ море шлю;
Корабль пріемышъ мой: не пріучая къ нѣгѣ
Его я къ бурямъ шлю. »

VI

НАДПИСИ.

Ты понялъ-ли глаголъ бытописаній?
На камняхъ, на древахъ ты надписи видалъ,
Ихъ понялъ-ли? то слѣдъ былыхъ страданій,
Къ безсмертію стремясь, ихъ братъ твой начерталъ.

Страшась ничтожества, у гроба, рабъ желаній,
Онъ въ мертвыхъ буквахъ сихъ часть жизни оста-
вллялъ,
Онъ жизнь хотѣлъ продлить, хоть въ отзывѣ преданій,
Чтобъ въ памяти людей, хоть звукъ не умиралъ.

Земному дань платя, безсмертіемъ томимый,
Поэтъ, склоня чело, умолитъ піэридъ,
Чтобы живая мысль и стихъ его любимый

Пережили его, какъ мраморъ и гранитъ,
Какъ жизни перлъ въ сердцахъ людей хранимый
Да вѣчно дышетъ онъ и души шевелитъ.

VII

ТРИ ВѢКА.

Преданье есть: въ минувши вѣки,
Тамъ, при сліяньи дивныхъ рѣкъ,
Сошли на землю человѣки....
И былъ тогда прекрасный вѣкъ!
Какъ царь земли, былъ здѣсь свободенъ,
И тѣломъ бодръ, и чистъ умомъ,
И сердцемъ добръ, и благороденъ,
Съ открытымъ взоромъ и челомъ!

Былъ вѣкъ другой: умовъ волненье
Въ сердцахъ страстей мятежный жаръ,
Вражда, корысть и изступленье —
Раздули гибельный пожаръ.
Здѣсь человѣкъ утратилъ волю,
Одряхлъ и тѣломъ и умомъ—
И шелъ по жизненному полю
Поникнувъ взоромъ и челомъ!

Но въ третій вѣкъ прошла невзгода,
Затихла буря, свѣтъ проникъ:
И процвѣла опять природа,
И лучшій міръ опять возникъ.
И въ этотъ вѣкъ земную долю
Холодный опытъ намъ открылъ,
И гордый умъ и сердца волю
Законамъ вѣчнымъ подчинилъ!

VIII

ШЕКСПИРЪ.

Незнаешь ты священныхъ упоеній,
Коль никогда моляся не рыдалъ;
Не знаешь ты блаженства вдохновеній,
Когда тебя Шекспиръ не вдохновлялъ!

Надъ бездной адскою парилъ поэта геній,
И дольній міръ безстрастно изучалъ, —
И въ часъ таинственный высокихъ откровеній
Міръ цѣлый изъ души и сердца извлекалъ.

Міръ внутренній и внѣшній отразился
Въ его созданіяхъ, какъ въ морѣ небосклонъ,
И отблескомъ души всемірной озарился,

Какъ въ древности торжественный Сіонъ.
Почти, о человѣкъ, поэта поклоненьемъ:
Въ немъ проявился Богъ небеснымъ вдохновеньемъ.

IX

ВОЛНЕНІЕ.

Взглянь на небо: словно тѣни,
Въ немъ мелькаютъ облака!
Взглянь на землю: поколѣній
Мчится бурная рѣка!

Чтожъ земля и небо полны
Треволненій бытія?
То вселенной жизни волны,
Вѣчный маятникъ ея!

И въ душѣ стихіи тѣже:
Въ ней вселенная сполна.
И какъ рыбка бьется въ мрежѣ,
Въ мірѣ мучится она.

X

ЦАРСТВО МИРА.

Міръ исполненъ былъ боязни;
Рыскалъ всюду мечь и моръ;
Шелъ народъ отъ казни къ казни
Видѣть собственный позоръ.
Возставали братъ на брата;
Кровь, пожары, вопль и стонъ
Отъ востока до заката
Восходили въ небосклонъ.
На землѣ средь тѣхъ волненій
Царство мира Богъ хранилъ:
Соловей, пѣвецъ весенній,
Какъ и прежде пѣсни лилъ,

И, какъ прежде, ликовала
Область Флоры молодой,
И, какъ прежде, возставало
Солнце въ бронѣ огневой.

Дѣти Феба—миръ надъ вами!
Отвратите долу взоръ:
Вонъ туда, туда крылами
Въ небо, къ Богу, на просторъ!..
Вы, пернатые, — Богъ съ вами!
Пойте, рѣйте въ небесахъ!
Солнцы міра — вы надъ нами
Вѣчно блещете въ лучахъ!

XI

ГОРНЫЯ ЕЛИ.

У гранитной колыбели
    На сѣдой скалѣ,
Прилѣпились сестры-ели
    Въ бурю и во мглѣ;
Разрослись семьею дружной,
    Путники-ль идутъ —
Хвалятъ ихъ и цвѣтъ наружный,
    Нѣгу и пріютъ;
Говорятъ: ихъ небо любитъ,
    Бури не вредятъ,

Человѣкъ не жжетъ, не рубитъ,
Черви не ѣдятъ! —
« Облака намъ солнце кроютъ,
Молньи насъ сушатъ,
Водопады корни роютъ,
Громы насъ глушатъ;
А отъ неба—мы далеко
Такъ же, какъ поля,
И растемъ, хотя высоко,
Снѣдь и мы червя. »

XII

СКАЖИ.

Когда воздушною стезею
Несешься ты по облакамъ,
Земля мелькаетъ подъ тобою,
Гдѣ-гдѣ виднѣясь здѣсь и тамъ,
Скажи: видна-ль тебѣ оттолѣ,
Съ небесъ далекихъ рубежа,
Земная хата, съ хлѣбомъ поле:
Скажи, скажи моя душа?

Когда внезапною грозою —
Поражена, потрясена,

И цѣль міровъ передъ тобою
Лежитъ вполнѣ прояснена,
Скажи: не ужли въ это время,
Когда ты дивно хороша,
Тебѣ людское мило племя:
Скажи, скажи моя душа?

Когда лукавствомъ и тщетою
Въ земной ты быть увлечена
Гремушкой дѣтской, мишурою,
Ослѣплена, обольщена —
Скажи: въ отраду-ли стяжанье?
Земля всегда-ли хороша?
О чемъ тоска? по чемъ страданье?
Скажи, скажи моя душа?

XIII

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

═

Торжественный, роскошный и могучій —
Твой стихъ летитъ изъ сердца глубины;
Какъ шумъ дубровъ и Волги валъ гремучій,
Твои мечты и живы и полны; —
Онѣ полны божественныхъ созвучій,
Какъ ропотъ арфъ и гимнъ морской волны!

Отчизну-ли поешь и гордо и правдиво,
Гроба Ливоніи, героевъ племена,
Красавицъ иль вино: плѣнительно и живо
Рокочетъ и звучитъ и прыгаетъ струна....
И сердце нѣжится по волѣ, прихотливо,
И словно нектаромъ душа упоена.

XIV

КАВКАЗЪ.

Пріютъ недоступный могучихъ орловъ,
Державныхъ и грозныхъ гранитныхъ хребтовъ; —
Всемірная крѣпость надъоблачныхъ горъ
Дивитъ и чаруетъ наѣздника взоръ;
Гдѣ громы грохочатъ, шумитъ водопадъ,
И молнія рѣетъ въ ущельяхъ громадъ, —
Душѣ моей любо: ей въ пору чертогъ —
Престолъ гдѣ громовый воздвигъ себѣ Богъ!
Тамъ мысли привольно по небу летать,
Весь ужасъ, всю прелесть грозы созерцать!
Туда бы, покинувъ заботливый міръ,
Желалъ я умчаться, какъ птица въ эфиръ.

XV

КЛАДБИЩЕ.

Обитель міра и печали,
Куда въ разбѣгѣ роковомъ
Ужъ волны вѣчности примчали
Такъ много смертныхъ въ вѣчный домъ!

Смотрю на градъ твой, думы полный,
И мнѣ-бъ хотѣлось угадать:
Куда примчатъ все тѣже волны
Меня, чтобъ мирно почивать?

*

Гдѣ будетъ домикъ мой укромный:
Отчизны - ль въ милыхъ мнѣ мѣстахъ?
Или въ стихіи вѣроломной?
Иль въ чужеземныхъ пустыряхъ?

Не все-ль равно: четыре доски,
Земля, да дернъ, да крестъ простой —
Иль на могилѣ камень плоскій:
Вотъ все, что прахъ сокроетъ мой!

Но я, въ молитвѣ жаркой, Бога —
Хотѣлъ бы втайнѣ умолить,
Чтобы близь милаго порога
Пришлося прахъ мнѣ положить:

Не это ль въ насъ небесъ задатокъ,
Безсмертья дальній, свѣтлый лучъ,
Любви духовной отпечатокъ,
Къ загробной жизни тайной ключь?

XVI

РУССКАЯ САБЛЯ.

(Найденная на Куликовомъ полѣ).

Когда Татаринъ низложенный
Въ постыдномъ бѣгствѣ жизнь спасалъ,
А Русскій въ мести раздраженный —
Врага тѣснилъ и поражалъ:

Тогда во славу Руси новой,
Великихъ дней ея въ залогъ,
Ты нанесла ударъ громовый —
И пали цѣпи съ Русскихъ ногъ!

Скажи: могу-ли безъ волненья,
Тебя схвативъ за рукоять,
Безъ чувствъ, безъ слезъ благодаренья,
Къ устамъ горячимъ не прижать?

Подобно нѣкоей святынѣ —
Была подъ спудомъ ты, въ пыли:
Вѣка прошли.... тебя мы нынѣ
Залогомъ славы обрѣли!

XVII

ТУЧИ.

Тамъ, далече, надъ горами,
Въ недоступной вышинѣ,
Среброрунными стадами
Бродятъ тучи въ тишинѣ.

— Что вы тучи накопились,
Очреватѣли огнёмъ,
На кого вы ополчились —
И метать хотите громъ? —

«Мы несемъ огонь и воду,
Чтобы землю напоить,
Чтобы грѣшному народу —
Бога знаменье явить!

Небо насъ съ земли подъемлетъ,
Громъ и молніи даетъ,
И глаголамъ нашимъ внемлетъ,
Направляетъ нашъ полетъ;

Отдаемъ землѣ — земное;
Небу—гимнъ поемъ въ громахъ,
И потомъ плывемъ въ покоѣ
Въ недоступныхъ высотахъ!»

XVIII

МИГЪ.

═══

Моря блескъ багрово-алый;
Ночи сонной тишина;
Какъ въ раю волшебномъ Аллы,
Въ небѣ синемъ зажжена —
Златорогая луна.

Межъ собою шепчутъ волны:
«Бѣгъ куда бъ намъ направлять,
«Затопить рыбачьи-ль чёлны?
«Или берегъ подмывать?
«Или мрежи заплескать?»

Межь собою шепчутъ люди:
«Намъ кого бъ оклеветать?
«Чьи сразить измѣной груди?
«Иль по дружбѣ — разтерзать?
«Иль за сребреникъ предать?»

Волны мрежи заплескали,
Затопили утлый чёлнъ,
Берегъ мирный подмывали;
Но затмился небосклонъ —
Вѣтеръ всталъ — и нѣтъ тѣхъ волнъ!

Другъ на друга клеветали
Люди много, много дней,
Предавали и терзали
И друзей и недрузей:
Мигъ — и нѣтъ ужь тѣхъ людей!

XIX

ПРЕДНАЗНАЧЕНІЕ.

Вы слыхали-ль въ отдаленіи
Звуки пѣсни родной?
Что мечталось вамъ при пѣніи
Соловья въ глуши лѣсной?

Много чувствъ, воспоминанія
Въ звукахъ тѣхъ сохранено!
Много искръ любви, страданія,
Въ пѣсни той утаено!

Рабъ минутнаго желанія,
И поэтъ, какъ соловей,
Онъ поетъ вамъ безъ сознанія,
Безъ расчетливыхъ затѣй.

Льется-ль струйкой серебристою,
Водопадомъ ли гремитъ,
Или молніей огнистою —
Въ небѣ сумрачномъ горитъ;

Иль летитъ орломъ надъ тучею,
Вьется - ль рѣзвымъ мотылькомъ:
Силой тайной и могучею —
Все куда - то онъ влекомъ.

Безотчетный, безсознательный,
Самому себѣ тиранъ,
Такъ, пѣвецъ органъ страдательный,
Бога Вышняго органъ!

XX

КРОАТСКІЙ БАНЪ.

(Народное преданіе.)

Жилъ-былъ въ Кроаціи Банъ; онъ глухъ былъ на лѣвое ухо,
И слѣпъ отъ природы, несчастный, на правый былъ глазъ;
И правымъ онъ глазомъ взиралъ на бѣдность и нужды народа,
И лѣвымъ онъ ухомъ внималъ мольбамъ воеводъ.
Богатъ ли въ народѣ кто былъ, на того всегда доносили;
На кого доносили, того всегда умерщвляли.

Банъ повелѣлъ головы ссѣчь двумъ воеводамъ,

Богатство убитыхъ забрать, и къ себѣ перевесть.

Тѣни казненныхъ невинно предъ нимъ возставали во мракѣ,

Каждую ночь у кровати убійцы стояли,

Каждую ночь, кланяясь, съ утромъ его поздравляли,

Головы съ туловищъ на полъ, бормоча, катились,

Однажды, въ темную ночь, убійцѣ сказалъ убіенный:

«За чѣмъ головой не кивнешь ты на наши поклоны?»

Убійца воспрянулъ, но только главою, дрожа, наклонился,

Отъ плечь отдѣлилась глава, и на полъ упала.

XXI

ЛЕВЪ И ТИГРЪ.

Видалъ ли ты, какъ грозный левъ
Свой изъявляетъ страшный гнѣвъ?
Онъ бьетъ хвостомъ, подъемлетъ ревъ,
Косматой машетъ головой,
И выступаетъ гордо въ бой.

О, тигръ Бенгальскій не таковъ!
Онъ совершаетъ тайно ловъ;
На спящихъ мечется враговъ;
Коваренъ онъ, и хитръ, и золъ,
И быстръ; измѣнчивъ, какъ эолъ.

Сравни: Героя грозенъ ликъ,
Когда войны послышитъ кликъ,
И занесетъ трехграный штыкъ
Иль мечь надъ вражьей головой:
Онъ левъ, онъ гордъ, онъ прямо въ бой!

Но не таковъ коварный врагъ!
Въ немъ вмѣстѣ дерзость, злоба, страхъ,
Какъ тать ночной, какъ тигръ въ степяхъ,
Онъ тайной крадется тропой,
И вдругъ бросается на бой.

XXII

ЗАВѢТНЫЯ СЛОВА.

Надъ Дунаемъ, надъ рѣкою,
Въ бусурманской сторонѣ,
Умирая послѣ бою,
Воинъ молвилъ слово мнѣ:

«Отнеси, братъ, въ край любимый,
Послѣ дружнихъ похоронъ,
Челобитьеце — родимой
И родимому — поклонъ!...»

— А женѣ? — «Своя ей воля
Стать вдругорядь подъ вѣнецъ:
Видно, братъ, моя недоля —
И женѣ не мужъ — мертвецъ!»

«Вѣсть снеси вдовѣ такую:
Что женатъ я на другой,
Что съ другою вѣкъ вѣкую
Я подъ крышей вѣковой:

«Что за нею на погостѣ,
Взялъ я каменный накатъ;
Пуля — сватала, а гости
Были пушки, да булатъ!»

XXIII

ПТИЧКА.

Я спалъ; денница золотила
Края небеснаго шатра,
Меня пѣснь птички разбудила
И всталъ я съ мягкаго одра;
Вилась летунья надъ землею
И пѣла стройно въ тишинѣ,
Какъ-бы бесѣдуя со мною,
Какъ-бы тоскуя обо мнѣ....
Она звала меня изъ праха
Туда, далеко, въ зыбь небесъ,

*

Къ подножью дивнаго Аллаха,
Въ страну блаженства и чудесъ —
И пѣла сладко!.... дань безсилья
И дань любви — платя слезой,
Воскликнулъ я: «О дай мнѣ крылья!»
Мелькнула птичка надо мной
Еще, еще.... и потонула
Въ бездонномъ морѣ бирюзы,
Подруга мнѣ тогда шепнула:
— Могла-ль виною быть слезы
Лишь пѣсня птички? — «Ахъ, невольно
Слеза лилась, я отвѣчалъ,
Когда Аллаха пѣснью стройной
Пѣвецъ воздушный величалъ!»

XXIV

МУЗЫКА.

Когда къ органу прикоснется
Артиста вѣрная рука
И звуковъ цѣлый міръ сольется,
Какъ полноводная рѣка:

Въ моей груди опять волненье,
И радость—другъ по старинѣ,
И геній свѣтлый—вдохновенье,
Доступны сумрачному мнѣ.

И мнится мнѣ: съ пустынь эѳира,
Съ надзвѣздной, горней вышины,
Нисходитъ въ душу ангелъ мира,
Посолъ небесной стороны.

Играй артистъ! земныя руки
Облобызать поэтъ готовъ:
Онѣ съ небесъ низводятъ звуки —
Языкъ души, языкъ боговъ!

XXV

ВЕЛИКІЙ ДЕНЬ.

О чемъ невѣрные толкуютъ?
О днѣ великомъ, днѣ чудесъ;
Почто безумцы испытуютъ
Святое таинство небесъ?
Не мнятъ-ли: случая игрою
Устроенъ міръ, расположенъ,
И твердь, и въ тверди надъ землею,
Свѣтильникъ пламенный зажженъ?
Есть Сый! — Онъ мощною десницей
Моря съ землей размежевалъ,

И разграничилъ ночь съ денницей,
Луну и солнце основалъ.

Не многимъ избраннымъ дано
Измѣрить все единымъ взоромъ,
И симъ немногимъ суждено
Быть провозвѣстникомъ-глаголомъ.
Внимайте имъ! — о днѣ чудесъ
Онѣ вамъ ясно растолкуютъ,
Сорвутъ повязку отъ очесъ,
И чары лжи — разочаруютъ.
Настанетъ день: онъ неизбѣженъ!
И каждый истину пойметъ;
Онъ будетъ ясенъ, безмятеженъ,
И въ мигъ столѣтія сольетъ.
И въ оный день, не погасая,
Какъ солнце, будетъ намъ сіять
Небесно-вѣчная, святая,
Любовь — Еговы благодать.

XXVI

ПОЭТУ.

Младенецъ слабыми руками
Змію коварства задушилъ.
Ты новыхъ дней Алкидъ, межъ нами,
На зависть гордо наступилъ.
Тебѣ ничтожны лепетанья
И толки злобной клеветы,
Хвала друзей и восклицанья
Самолюбивой красоты;
Ты выше лести своенравной,
И полной зависти хулы:

Органъ небесъ, пророкъ избранный,
Тебѣ-ли нужны похвалы?
Судья правдивый—есть потомство,
Оно хвалы не продаетъ,
Оно не знаетъ вѣроломства:
Твой трудъ оцѣнитъ и пойметъ.
Всегда правдивъ, всегда спокоенъ,
Храня къ прекрасному обѣтъ,
Неколебимъ и непреклоненъ:
Таковъ въ душѣ своей Поэтъ.

XXVII

РОПЩУЩЕМУ.

Не говори: «несчастенъ я!»
Не испытавъ несчастья,
И яду не испивъ изъ чаши бытія,
Я говорилъ: несчастенъ я!

Но то прошло, что было прежде;
Теперь мои открылися глаза:
Не слушаю глупца, не вѣрю я невѣждѣ,
А вѣрю — въ небеса.

Несчастны мы лишь только по сравненью:
Кто-жъ бѣдъ не испыталъ?
Вельможа и богачь, повѣрь мнѣ, къ сожалѣнью,
Какъ ты, страдаетъ и страдалъ.

Взгляни на бѣдняка, которому судьбина
Необходимаго для жизни не дала;
За что-жъ тебя, какъ милаго ей сына,
Предъ тысячью людей, такъ гордо вознесла?

Тебѣ-ль роптать? стыдись! передъ тобою,
Какъ бѣдны всѣ невѣжды и глупцы!
Какъ будто мачихой, забытые судьбою,
Они ничтожные и жалкіе слѣпцы....

Всѣ бродятъ ощупью, самихъ себя не зная;
Не чести — почестей вѣкъ ищутъ для себя,
Другимъ зло дѣлаютъ — душой отъ зла страдая,
И умираютъ — не живя.

XXVIII

ЖЕЛАНІЕ.

Праздной жизнью недовольный,
Я покинулъ тѣ края,
Гдѣ въ степи своей привольной
Плещетъ Бугская струя;
Гдѣ ковыль одинъ бѣлѣетъ,
Нѣтъ деревьевъ, нѣтъ людей,
Только ястребъ въ небѣ рѣетъ,
Рыщетъ волкъ среди полей!
И за блескъ роскошный свѣта,
Жизнь степную отдалъ я . . . .

Что же грудь тѣснитъ поэта?
Искра Зевса жжетъ меня! . . . .
Въ степь хотѣлъ-бы возвратиться,
На просторѣ погулять,
Вольнымъ воздухомъ упиться,
Снова пѣть и кочевать.

XXIX

ИРАНЪ.

Ликуй, Иранъ! твоя краса,
Какъ отблескъ радуги огнистый!
Земля цвѣтетъ — и небеса,
Какъ взоры гурій, вѣчно чисты!

Такъ возлюбилъ тебя Аллахъ,
Иранъ, жемчужина востока,
И око міра, Падишахъ,
Сей левъ Ислама, мечь пророка!

Твой воздухъ амброй растворенъ,
Имъ дышетъ лавръ и миртъ съ алоемъ;
Здѣсь въ розу соловей влюбленъ,
Поэтъ любви томится зноемъ.

XXX

УКРАИНСКІЯ МЕЛОДІИ.

1

Гдѣ ты, доля, моя доля,
На горѣ или средь поля?
Гору можно раскопать,
Поле—можно распахать.
Аль близь моря, на долинѣ
Дикимъ макомъ ты цвѣтешь!
Али въ рощѣ на калинѣ
Ты малиновкой поешь?
Прилети-же птичкой, доля,
Хоть на мигъ ко мнѣ присядь;

Ахъ, ты доля, моя доля!
Гдѣ тебя мнѣ, доля, взять?

——

2

Нѣту броду, нѣту броду,
Нѣтъ и переходу;
Коли милый меня любишь,
Плыви черезъ воду. —

«Переплылъ я двѣ рѣченьки,
Третьей не боюся, —
А все-таки, моя душка,
Къ тебѣ доберуся.

«Пережилъ я два годика,
Третій вотъ наступитъ;
А все-таки, моя душка,
Сердце тебя любитъ.»

XXXI

МОЛЬБА.

В цвѣтущей юности, жрецъ Феба и Киприды,
Я счастливъ. Объ одномъ молю васъ, Аониды.
Храня убогую, знакомую вамъ сѣнь,
Отъ волнъ забвенія мою спасите тѣнь;
Чтобъ слушая мой стихъ веселый иль унылой,
Старикъ посѣтовалъ о жизни легкокрылой;
Чтобъ въ дѣвахъ онъ родилъ желанія и грусть;
Чтобъ юноши его твердили наизусть;
Чтобъ стихъ мой оставлялъ живыя впечатлѣнья
И грусти, и любви, ума и вдохновенья.

---

*

XXXII

ФИЛОМЕЛА.

Не отрокъ-ли амуръ вскормилъ тебя, царица,
И пищу на стрѣлѣ, коварный, подавалъ?
Онъ страсти ядъ разлилъ, чтобъ голосъ твой пѣвица,
Сердца любовію разилъ и волновалъ.

XXXIII

ГЛАВА ИЗЪ АЛ-КОРАНА.

═

Клянуся солнцемъ и луною,
Клянуся нощію и днемъ,
Клянуся небомъ и землею,
Клянусь ослицей и конемъ.

Клянуся Тѣмъ, Кто намъ отъ вѣка,
Способность умственную далъ,
Кто создалъ все—и человѣка
Для наслажденія создалъ:

Что будетъ тотъ блаженъ на вѣки,
Кто правду здѣсь всегда любилъ,
Хранилъ законъ, молился въ Меккѣ,
И жизни въ битвахъ не щадилъ.

Тамудъ-колѣно почитало
Лжецомъ Пророка своего,
И гдѣ-жь Тамудъ-колѣно? пало....
Богъ истребилъ до одного,

За то, что злобный нечестивецъ,
Кедаръ, Пророку не внималъ,
За то, что Вышняго любимецъ,
Верблюдъ, отъ рукъ убійцы палъ.

XXXIV

ТОВАРИЩУ-ПОЭТУ.

Для поэтическихъ мечтаній,
Для думъ возвышенныхъ твоихъ —
Не нуженъ громъ рукоплесканій:
Поэты счастливы безъ нихъ.

Въ себѣ одномъ прозрѣвъ міръ цѣлый,
Пѣвца Британіи любя,
Какъ онъ, могучій, юный, смѣлый,
Ты намъ высказывалъ себя.

Стихи твои, какъ бурны тучи,
На человѣка мещутъ громъ:
Они то отгулъ злополучій,
То жизни быстрой переломъ.

Товарищъ! жду иныхъ я звуковъ:
Въ часы вакхическихъ отрадъ,
Пускай въ семействѣ нашихъ внуковъ
Объ нашей удали твердять;

Узнаютъ пусть, какъ дѣды жили
На брегѣ царственной Невы,
Любили, пили и шалили,
Но не теряли головы.

XXXV

ЗИМА.

Смотрю на снѣжныя пустыни:
Лежитъ, какъ въ саванѣ, земля;
То смерти видъ, символъ святыни,
Символъ другаго бытія.

Не все съ собой возметъ могила,
Не все зима мертвитъ въ поляхъ:
Проснется жизненная сила,
Проснутся мертвые въ гробахъ.

XXXVI

СЧАСТІЕ И НЕСЧАСТІЕ.

Время насъ измѣняетъ. Въ несчастіи мы робки бываемъ,
Собственнымъ силамъ не смѣя добѣриться слѣпо;
А въ счастьи, напротивъ, успѣхъ заложникомъ служитъ успѣха:
Подобно ловца пламенитъ успѣшная ловля!

XXXVIII

РАЗВАЛИНЫ.

Грустно смотрѣть на развалины древнихъ чертоговъ,
Невольно будятся думы, черныя, грустныя думы!
Но сердцу тяжелѣ при взглядѣ на груды развалинъ
Неконченныхъ зданій, трудовъ еще не свер-
шенныхъ.
Такъ въ первыхъ мы видимъ законъ непреложный
природы:
Жить и цвѣсти и къ гробу по малу склоняться,
Въ другихъ—сожалѣемъ о надеждахъ погибшихъ!...

XXXVIII

ѲЕОКРИТУ.

═══

О, пѣвецъ! сладки мнѣ пѣсни твои: онѣ пробуждаютъ
Мечты о минувшихъ радостныхъ дняхъ,
О вѣкѣ златомъ, о тѣхъ временахъ, когда человѣки не знали
Корысти холодной души: слѣдуя сердца влеченью
Любили другъ друга, какъ братья и были счастливы.

———

XXXIX

КЪ ЗЕВЕСУ.

Зевсъ-громовержецъ, внемли мнѣ, къ тебѣ я взываю:
Пошли перуны на землю: стада и древа да низложатъ,
И буду я бѣденъ, какъ прежде; но паче всего умоляю,
Да тратою сей очистится сердце, какъ нива
Сожженная пламенемъ Бога, и въ немъ да умолкнутъ
Желанья, какъ послѣ грозы умолкаетъ все въ небѣ.

XL

РАЗСТАВАНЬЕ.

— Ѣду я за рѣченьку,
Въ вражій Ляха край,
Цѣлуй меня серденько —
Галю . . . . . не рыдай!
Ѣду я не на долго:
Съ толпой казаковъ
Пиво пить червоное
Изъ крови враговъ. —

«Ты думаешь, сердце, ко мнѣ возвратиться,
А ѣдешь ты съ Ляхомъ коварнымъ рубиться!
Гляди: подъ тобою конь вѣрный поникъ,
Вѣщуетъ не доброе—ворона крикъ!
Коль пивомъ червонымъ ты хочешь упиться,
Что, серденько, вздумалъ со мной разлучиться:
Тебѣ мои слезы, тебѣ моя кровь—
Да, только, мой милый, не брось за любовь!»

— Серденько дѣвчина
Въ печаль не вдавайся,
А съ вражьей пирушки
Меня дожидайся;
Какъ вранъ надъ тобою
Взовьется высоко:
То скачетъ изъ бою
Твой другъ не далеко.—

«Голубчикъ мой милый, цѣлуй твою галю!
Сдается—въ послѣдній тебя я ласкаю!
Дай въ каріи очи тебѣ посмотрѣть—
Казакъ чернобровый, ты ѣдешь на смерть!

Какъ яворъ головку зеленую склонитъ,
Кукушка кукукнетъ, дуброва застонетъ,
И конь подъ тобою споткнется, храня,
Тогда ужь на свѣтѣ не будетъ меня.»

XLI

РАСПУТЬЕ.

Какъ юный путникъ предъ грозою,
Стою печально-мраченъ я:
Куда итти, какой стезею,
Куда влечетъ судьба моя?

Не мнѣ нести оружье брани:
Давно затихъ призывный гулъ,
Мечи въ ножнахъ; могучихъ длани
Смирили дерзостный Стамбулъ.

Иль къ храму Сѣверной Ѳемиды —
Лежитъ невѣрной жизни путь?
Иль жизнь взлелѣютъ Аониды —
И закипитъ восторгомъ грудь?

Туда-ль, гдѣ Сѣвера Пальмира,
Помчитъ меня могучій рокъ?
Въ страну-ли Данта иль Омира?
На многолюдный-ли Востокъ?

Благословенъ хранитель-геній
Равно, вездѣ благословенъ!
Въ дому, въ ладьѣ, въ пылу сраженій,
Всегда имъ будешь сохраненъ —

Ему ввѣряю бремя жизни!
Она непрочна, какъ сосудъ;
И мнѣ-ль земной жалѣть отчизны,
Когда къ небесной позовутъ?

XLII

ГРОЗА.

═

(1831)

Посмотри: нависли тучи;
Слышишь грохотъ громовой?
То гигантъ идетъ могучій
Въ битву съ дряхлою землёй!
Гдѣ найдешь ты оборону,
Съ чѣмъ, земля, ты выйдешь въ бой?
Онъ сорветъ съ тебя корону,
Онъ преломитъ скипетръ твой!

*

Родъ Славяновъ, родъ могучій,
Ты-ли грозный сей гигантъ,
На врага, какъ громъ изъ тучи,
Землю подперъ, какъ Атлантъ?
Гулъ побѣдъ и битвы клики,
Пѣснь любимая твоя,
Въ пеленахъ народъ великій
Прибаюкали тебя.

Ты возросъ и юный мощью,
Ты окрѣпъ и возмужалъ,
И владычество полнощью
Твердой данію сдержалъ;
Распадается на части
Крѣпко скованный булатъ;
Вопреки уму и власти—
Возстаетъ на брата братъ.

Но не длится заблужденье,
Вѣченъ правды перевѣсъ:
За измѣну мщенье, мщенье
Человѣковъ и небесъ.

XLIII

СТАРИКЪ.

Лѣта идутъ; всему своя чреда!
Пусть на главу мою покрышку снѣговую
Накинули труды и строгіе года:
Надъ временемъ я гордо торжествую!

Земное поприще мгновенно соверша,
Поэту-ли страшиться разрушенья?....
Огнемъ поэзіи согрѣтая душа —
Не престаетъ кипѣть восторгомъ пѣснопѣнья.

XLIV

МАЛЮТКѢ.

Не убѣгай меня прекрасное дитя,
Не оставляй луговъ съ красивыми цвѣтами,
Когда бѣгу людей съ тобою счастливъ я —
И съ юной жизнію, и съ юными мечтами!

Еще невиненъ ты; порокъ и преступленье
Не безобразили прекраснаго чела —
Страстей неистовство, безумье и мученье,
И времени рука морщинъ не провела.

Счастливецъ молодой! побудь, побудь со мною,
Дай насмотрѣться мнѣ, мой милый, на тебя:
Лѣта невинности летятъ отъ насъ стрѣлою,
Но лучшій цвѣтъ сей жизни погубя,
Еще мы можемъ жить, небесное любя,
Прекрасное цѣнить горячею душою.

XLV

ДВА ЖРЕБІЯ.

═══

Несчастенъ тотъ, кто вѣчно страждетъ
Отъ жизни нищенскихъ заботъ,
И чья душа полета жаждетъ,
Когда земля ее гнететъ;

Но тотъ счастливъ, кто долгу вѣренъ
И въ мысляхъ, въ чувствахъ зная счетъ,
Въ издержкахъ жизненныхъ умѣренъ,
Для благъ существенныхъ живетъ.

Обоимъ данъ имъ жребій разный;
И вотъ объ нихъ, какъ судитъ свѣтъ:
Одинъ — глупецъ, мечтатель праздный,
Другой—уменъ, хоть не поэтъ.

XLVI

DE VITIIS HOMINUM.

Юпитеръ прицѣпилъ къ намъ въ жизни двѣ сумы:
За плечами одна—съ пороками своими,
Другая на груди—съ чужими;
Вотъ почему грѣховъ своихъ не видя мы
Все занимаемся людскими.

XLVII

ПѢВЦУ ПОЛУНОЧИ.

Туча тмитъ небеса;
Взоръ туманитъ слеза;
Набѣжитъ вѣтерокъ —
Тучи скоро пройдутъ;
Вѣчно-ль слезы текутъ?
Вѣчно-ль пасмуренъ рокъ?

«Но полуночный край,
Не Авзоніи рай!
Лѣтомъ розы тамъ нѣтъ;
Гдѣ мятели, снѣга
Потопили луга —
Тамъ печаленъ поэтъ!»

Ахъ, послушай меня:
Былъ въ Авзоніи я;
Гдѣ поютъ соловьи,
Розы долго цвѣтутъ —
Есть печали свои,
Также слезы текутъ.

Что природы краса,
Что лазурь—небеса,
Если сердце болитъ?
И Авзоніи край
Не веселый есть рай:
Онъ печаль не цѣлитъ.

XLVIII

ЛѢШІЙ.

Въ часъ урочный полнолунья
Съ темнымъ лѣсомъ наровнѣ,
Говоритъ молва вѣщунья,
Кто-то бродитъ въ тишинѣ.
Понамарь пройдетъ-ли пѣшій,
Псарь проѣдетъ-ли верхомъ,
Всякъ крестяся молвитъ: «лѣшій
Загулялъ не предъ добромъ!»

Есть подъ лѣсомъ двѣ слободки,
Гдѣ, рѣзвясь подъ вечерокъ,

Пляшутъ парни и молодки
Подъ волынку и гудокъ.
Тамъ старикъ, сидя съ старухой
На травѣ передъ крыльцомъ,
Говоритъ: «и я былъ ухо,
Плясуномъ и молодцомъ!

«Помнишь? Дуню мы видали:
То-то дѣвка—кладъ была!
Щеки алыя пылали,
Въ пляскѣ лебедемъ плыла.
Гдѣ-жь теперь моя воструха,
Какъ, бывало, въ красны дни?..»
— Эхъ промолвила старуха:
Боже нась оборони!
Слышишь, по лѣсу хохочетъ?
Слышишь вой? . . . . она реветъ;
Обойти тебя, знать, хочетъ:
Берегися — уведетъ! —

XLIX

НАРОДНАЯ ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ.

Плачетъ, плачетъ дѣва горъ:
Русскій! дай твой встрѣтить взоръ.
Тамъ, гдѣ давятъ виноградъ,
Первый встрѣтила я взглядъ;
Тамъ меня ты полюбилъ!
Много золота сулилъ.
Не хочу я денегъ, злата;
Я съ тобой всегда богата,
А безъ милаго, одна,
Я и въ золотѣ бѣдна.

Ты сулилъ мнѣ дорогой,
Цѣлый перстень золотой:
Не дари меня ты имъ,
Цѣлымъ перстнемъ золотымъ;
Не дари меня нарядомъ,
Подари улыбкой, взглядомъ;
Поцѣлуемъ подари —
Знакомъ пламенной любви.

I.

ВЕЧЕРНІЕ ВЫСТРѢЛЫ.

Я помню часъ: роскошное свѣтило
Златило небосклонъ и тихо заходило;
Гремѣли выстрѣлы, неслися по волнамъ;
Я руку жалъ твою, прижавъ уста къ устамъ;
А эхо выстрѣловъ по малу замирало....
Ты молвила: прости! какъ сердце трепетало!....

И нынѣ, какъ пройдетъ шумливый, жаркій день,
И ляжетъ на поля прохладной ночи тѣнь —
Я эху выстрѣловъ задумчиво внимаю,
Тоскую и грущу и слезы проливаю, —
И мнѣ хотѣлось-бы съ тѣмъ звукомъ улетѣть
Туда, за горизонтъ—и въ безднѣ умереть.

LI

ГРОБНИЦА ГАФИЗА.

Жены, робкія дѣвицы,
Васъ и тѣнь грѣха страшитъ:
Вы гнушаетесь гробницы,
Гдѣ поэта прахъ лежитъ.
Точно былъ онъ въ жизни преданъ
Безднѣ гибельныхъ грѣховъ,
Но ему былъ заповѣданъ
Даръ небесный—даръ стиховъ!
И не тщетно, не напрасно
Гафизъ даръ сей получилъ:
Пѣлъ онъ дѣвственно — прекрасно,
Въ лонѣ Аллы опочилъ.

LII

ПОЖАРЪ.

Ударъ въ кремень—и искра пала
Кускомъ стальнымъ извлечена,
Едва примѣтная сначала
Все разгоралася она.
Вдругъ вѣтръ пахнулъ и быстрый пламень
По сводамъ храма пробѣжалъ
И ни вода, ни твердый камень
Огня порывъ не удержалъ;
И гдѣ величье, храмъ прекрасный
Теперь тамъ груда кирпичей:
Не сердце-ль храмъ, а пламень—страстный
Порывъ любви, порывъ страстей?

LIII

ЦВѢТОКЪ.

Со стебля сорванный случайно,
И вѣтромъ сдунутый цвѣтокъ,
Съ родной гряды, лежалъ печально
И вянулъ медленно и блёкъ.

Увидѣлъ я цвѣточикъ милый
И съ состраданіемъ поднялъ,
Но поздно, онъ, лишенный силы,
Не цвѣлъ, какъ прежде; онъ увялъ.

Цвѣтокъ! цвѣтокъ! не ты-ль эмблема,
Непостоянныхъ нашихъ дней:
Мнѣ жизнь—счастливый садъ Эдема,
Но мигъ—и въ царствѣ я тѣней!

Безплодно дружество съ любовью
Свою мнѣ помощь подадутъ,
Покорный вѣчному условью
И я умру, какъ всѣ умрутъ.

LIV

СВАТЬБА.

═

На зеленомъ на лугу,
На высокомъ берегу —
Подъ кудрявою рябиной
Дѣвица сидитъ съ дѣтиной;
Что не рѣченька шумитъ,
То дѣвица говоритъ:
— Ты повѣдай мнѣ милой,
Кто твой батюшка родной?
И гдѣ матушка твоя?
Какъ живетъ твоя семья?

« Мой отецъ мужикъ богатой,
« Развеселой, тороватой,
« Въ жемчугахъ, въ свѣтлицѣ мать —
« Жить изволитъ, поживать;
« Вся семья моя въ добрѣ:
« Въ холѣ, въ долѣ, въ серебрѣ! . . .»

Что не рѣченька шумитъ,
То дѣвица говоритъ:
— Поведи-жь меня, милой,
Къ матушкѣ своей родной,
Покажи меня отцу,
Да оттолѣ и къ вѣнцу. —
Изъ-за дуба скокъ мохнатый,
Козлоногій и рогатый:
« Здравствуй милое дитя
На поминѣ легокъ я! . . .»

Вотъ нахлынула волна,
Вышла на берегъ жена,
Въ жемчугахъ и въ серебрѣ:
Словно иней въ Декабрѣ.
« Миръ вамъ дѣти! поскорѣй
« Подъ вѣнецъ моихъ дѣтей! . . .

« Что-жь уставился рогатый?
« Что-жь женатый—не женатый?
« Ну, живѣе—въ осоку!...»
Бухъ! и скрылися въ рѣку.
Лишь на берегѣ одинъ
Мохноногій, какъ павлинъ —
Ходитъ, бродитъ взадъ, впередъ:
Новобрачныхъ въ гости ждетъ.

LV

СТАРОМУ ПРІЯТЕЛЮ.

Не вспоминай другіе лѣты,
Они прошли—не воротить!
Твоя печаль, твои примѣты,
Не могутъ горю пособить.
Не помни зла, не помни горя,
И въ настоящемъ много бѣдъ,
Терпи у жизненнаго моря:
За тучей вёдро будетъ въ слѣдъ.
Мой другъ! повѣрь мнѣ, міръ прекрасенъ,
Исполненъ блага, Божій свѣтъ!

Твой западъ также будетъ ясенъ,
Какъ дня прекраснаго разсвѣтъ.
Взгляни: надъ трепетной землею
Давно-ль съ небесъ перунъ гремѣлъ
И земледѣлецъ съ бороною
На ниву выѣхать не смѣлъ.
Прошла гроза, какъ прежде въ полѣ
Оратай весело поетъ,
И въ луговомъ опять раздолѣ
Тюльпанъ съ лилеею цвѣтетъ.

LVI

УТРО НА ЮГѢ.

Прекрасно утро молодое,
Когда съ разсвѣтомъ первымъ дня
Встаетъ свѣтило золотое
Огнемъ и пурпуромъ горя.
Какая роскошь и отрада
Въ тѣни дубравъ, въ тиши садовъ,
Для обонянія и взгляда
Отъ благовонія цвѣтовъ!
Туманы, спавшіе въ долинахъ,
Свились, разсѣялися вдругъ,

И на поляхъ и на равнинахъ
Прохладной нѣгой вѣетъ югъ.
Такъ дѣва, прелесть молодая,
Цвѣтущая какъ утро дня,
Роскошный одръ свой покидая,
Улыбкой радуетъ меня.

LVII

ВЕНГЕРСКАЯ ПѢСНЯ:

Snilo mi se teto noci . . . .

Снилось мнѣ въ эту ночь,
На яву точь въ точь,
Что томна и больна
Молодая жена.
И другой видѣлъ сонъ,
Былъ печальнѣе онъ,
И въ очахъ тмится свѣтъ:
Мой увялъ милый цвѣтъ;

А едва день насталъ
Я ее потерялъ,
Я ее пережилъ,
Я съ ней все погубилъ.
Потемнѣлъ въ очахъ свѣтъ:
Мой увялъ милый цвѣтъ.

LVIII

УМИРАЮЩІЙ ГАЙДУКЪ.

(Иллирійская баллада.)

Ко мнѣ поскорѣе орелъ посѣдѣлый, ко мнѣ поскорѣй!
Я—*Заполъ!* я воинъ! отъ ранъ умираю.... я старый твой другъ,
Который такъ часто кормилъ тебя въ полѣ тѣлами враговъ.
Но прежде, чѣмъ сердце мое расклюешь ты для юныхъ орлятъ,
Тебя умоляю, мой старый приспѣшникъ, теперь объ одномъ:

Суму мою съ поля снеси ты ко брату, чтобъ онъ отомстилъ;
Въ сумѣ моей было двѣнадцать патроновъ, двѣнадцать лежатъ
Убитыхъ Пандуровъ; тринадцать напало враговъ на меня;
Тринадцатый — Бо̀цай, сразилъ меня въ спину; не воинъ онъ—трусъ!
Да въ когти возьми ты мой шитый платочекъ, снеси его *Хавѣ*,
Чтобъ этимъ плато̀чкомъ подруга, рыдая, лице утирала.
И снесъ орелъ сумку пустую ко брату *Запола* — пьянюгѣ,
Который въ то время потягивалъ водку, да трубку курилъ;
И снесъ орелъ шитый платочекъ къ подругѣ *Запола*, невѣрной:
Прелестная *Хава* вѣнчалась тогда съ презрѣннымъ Боцаемъ.

LIX

ПОДРАЖАНІЕ СААДИ.

Молвилъ я однажды другу:
Сдѣлай мнѣ одну услугу,
Приложи къ устамъ печать,
Научи меня молчать,
И добро и зло бываетъ
Въ разговорахъ нашихъ сплошь,
Врагъ все злое замѣчаетъ,
Отъ злорѣчья какъ уйдешь?

«Другъ! замѣтилъ мнѣ пріятель,
Терпитъ злыхъ и Самъ Создатель,
Любишь медъ—люби и сотъ;
Изъ враговъ же лучшій тотъ,
Кто добра не примѣчаетъ,
Видя въ насъ одинъ порокъ:
Чрезъ него-то получаетъ
Человѣкъ прямой урокъ!»

LX

УРАЛЪ И КАВКАЗЪ.

Заспорили горы Уралъ и Кавказъ.
И молвилъ Уралъ: «міръ вѣдаетъ насъ!
Богатъ я и златомъ, богатъ серебромъ,
Алмазомъ и яшмой, и всякимъ добромъ;
Изъ нѣдръ моихъ много сокровищъ добыто,
И много сокровищъ покуда въ нихъ скрыто!
Богатую подать я людямъ плачу:
Я жизнь ихъ лелѣю, сребрю, золочу!
Кавказу-ль досталось равняться со мной:
Онъ нищій и кроетъ отъ нищихъ разбой!»

*

— Молчи ты, презрѣнный! — воскликнулъ Кавказъ,
Я врачь, правовѣрный; міръ вѣдаетъ насъ!
Богатства раждаютъ болѣзни, пороки,
Людей исцѣляютъ Кавказскіе токи;
Я жителей дольнихъ, недужныхъ цѣлю;
Я жителей горныхъ, могучихъ люблю:
Однимъ я здоровье и жизнь обновляю,
Другимъ—ихъ приволье и миръ сохраняю;
Я въ древности первый далъ Ною пріютъ:
За то меня знаютъ, и любятъ, и чтутъ!

LXI

ВДОХНОВЕНІЕ.

Когда восторгъ меня обниметъ,
Я сознаю тогда себя, —
И токъ блаженства въ душу хлынетъ,
Вдвойнѣ живу и вижу я!

Мнѣ міръ земной и чуждъ и тѣсенъ:
Провидитъ міръ душа иной,
Міръ безграничный звучныхъ пѣсенъ
И неземныхъ видѣній рой.

Не такъ ли, кинувъ міръ тѣлесный,
Въ святомъ восторгѣ бытія,
Въ громахъ, въ огнѣ полу-небесный,
Вознесся къ Богу Илія?

LXII

ЧАЙКА.

Звѣзды блещутъ въ синемъ небѣ,
Волны ходятъ въ Черномъ морѣ.
Не блестите въ небѣ звѣзды!
О, залейте волны, горе!...
Чайка вьется безъ заботы —
О повѣдай, чайка, что̀ ты?...
Понялъ, понялъ крикъ твой, птица!
Духъ сестры моей не ты-ли?...
Плачь твой слышу я, сестрица,
Плачь о братѣ въ бренной пыли!
Такъ и мнѣ настанетъ время:
Какъ и ты, я свергну бремя,
И надъ моремъ въ часъ денницы
Мы взовьемся Божьи птицы!....

LXIII

ДУНАЙ.

Бѣгутъ шумятъ, шумятъ, тѣснятся волны ,
Рѣка полна изъ края въ край;
Люблю внимать въ степи привольной
Твой шумъ воинственный Дунай!

Когда внезапно съ ярымъ гуломъ
Падетъ на волны ураганъ ,
Ты твердъ, какъ Русскій подъ Стамбуломъ,
Грозишь, разишь, какъ великанъ!

Дрожатъ прибрежныя громады,
Отзывный ревъ въ степи встаетъ,
Ты ревешь и рушишь всѣ преграды:
Въ тенетахъ левъ такъ узы рветъ!

Не разъ свой шумъ и ярый лепетъ
Ты съ крикомъ воиновъ сливалъ,
Не разъ паническій ты трепетъ
На строи храбрыхъ насылалъ!

Не разъ своимъ летучимъ валомъ
Славянъ съ врагами ты дѣлилъ:
Ревѣлъ подъ грознымъ Святославомъ,
Коней Цимискія поилъ!

И нынѣ быстрый и упорный,
Какъ древле въ битвахъ нашъ герой,
Сынъ Ольги, вѣчно непокорный,
Шумишь ты гордою волной;

Я знаю: ты его взлелѣялъ,
Къ борьбѣ съ природой пріучилъ,
Стрѣлами вражьими обвѣялъ,
Волнами крови опоилъ!

Когда бы кровь здѣсь пролитая
Изъ нѣдръ твоихъ поднялась вновь,
То волны бъ синія Дуная —
Струились алыя, какъ кровь!

А ты еще какъ звѣрь голодный,
Все алчешь жертвъ подъемля вой:
Оплачь, оплачь Дунай свободный
Героевъ сгубленныхъ тобой!

Бѣгутъ, журчатъ печально волны
И вторитъ стонъ ихъ дальній край:
Такъ панихидою невольной —
Погибшихъ память чтитъ Дунай!

———

LXIV

РОКЪ.

Выплывая изъ-за тучи
Зевса гнѣвнаго посолъ
Вержетъ громъ и огнь летучій
На скалы, на лѣсъ дремучій,
На веселый градъ и долъ.

О молись, молись Зевесу,
Чтобъ тебя не покаралъ,
И на тайный путь къ Айдесу
Смерти мрачную завѣсу
Для тебя не приподнялъ!

Иль умолкни: что молитва?
Здѣсь всему назначенъ срокъ,
Вѣчна смерти здѣсь ловитва
И напрасна съ нею битва:
Ею правитъ грозный рокъ!

LXV

ВОЛШЕБНОЕ РУЖЬЕ.

I

О, кто увидитъ ружье великана славнаго Бея,
Увидитъ тотъ рѣдкое чудо! Двѣнадцать колѐцъ золо-
тыхъ,
Двѣнадцать на немъ серебряныхъ также колѐцъ, а
ложе,
Чудное ложе обдѣлано все перламутомъ, и кисти
Краснаго шелку висятъ отъ свѣтлой его рукоятки.
Бываетъ и много подобныхъ же ружей съ кольца-
ми, съ кистями —
Ружейники этимъ нерѣдко оружье свое украшаютъ,—

Но гдѣ, какой мастеръ могъ сообщить дивную силу
Ружью, чтобы всѣ пули вѣрную смерть наносили?
У Бея же Савы такое ружье. Сава сражался
Противу *Дели*, сражался онъ также противъ Гайдуковъ
Кафтаны какъ явора листья онъ прорывалъ, и кольчуги
Какъ слабую сѣкъ паутину, вѣрную смерть нанося.

II

Давыдъ, ага молодой, владѣетъ богатымъ ружьемъ.
Поясъ его набитъ серебромъ. Изъ двѣнадцати гуслей
Своихъ онъ выбираетъ самые звучные гусли.
Въ пятницу выѣхалъ въ поле Давыдъ молодой, а въ землю
Савы, славнаго Бея, пріѣхалъ въ субботу онъ на ночь.
И сѣлъ онъ, и началъ наигривать пѣсни — и дѣвы сбѣжались;
Запѣлъ, заигралъ онъ печальныя пѣсни — и дѣвы вздыхали;
Запѣлъ, заигралъ онъ любовныя пѣсни — и дочерь прекрасная
Бея, бросивъ цвѣтами въ него, домой убѣжала.
Ночью открыла окно и видитъ баскака Давыда:

Сидитъ онъ на каменной лавкѣ при двери отцовскаго дома;
Елена нагнулась—и красная шапка упала съ нея;
Давыдъ ее поднялъ, цѣхинами полную всю наложилъ
И подалъ прекрасной Еленѣ, — и вспыхнули щеки Елены!

III

« Видишь-ли облако черное мчится? страшная буря
Скоро измочитъ меня и градомъ, быть можетъ, убьетъ:
Ужели заставишь меня среди непогоды томиться,
Подъ небомъ открытымъ, предъ домомъ твоимъ, прелестная дѣва? . . . »
Она поясъ сняла, концемъ привязала къ балкону . . .
Мгновенье . . . . Давыдъ очутился подлѣ прелестной Елены.
« Тише, какъ можно будь тише: если отецъ мой услышитъ,
Убьетъ онъ обоихъ на мѣстѣ. » — И тихо, и тихо, и тихо
Они говорили, и вскорѣ въ теремѣ вовсе замолкло.
Давыдъ молодой спустился съ балкона; денница сіяла.
И всякую ночь приходилъ онъ въ селенье, и всякую ночь

Поясъ спускался съ балкона; Давыдь оставался до свѣта.
На пятую ночь пришелъ онъ блѣдный, забрызганный кровью.
«Разбойники чуть меня не убили. . . . они караулятъ
Меня въ ущелiи горномъ: когда разсвѣтетъ — разстанусь
Съ тобою на вѣки . . . . Въ послѣднiй, о другъ мой, тебя обнимаю!
Но если бы было со мною ружье храбраго Савы,
Кто бы подумалъ меня оскорбить, не токмо зарѣзать?»
—Какъ я могу ружье отцовское, милый, отдать?
Днемъ онъ всегда носитъ его за плечами, а ночью
Лежитъ на постелѣ вмѣстѣ онъ съ нимъ; утромъ возстанетъ,
И если его не найдетъ, голову срубитъ онъ мнѣ.—
«На мѣсто его ты ружья положи точно такое жь
Мое. На немъ такiя жь двѣнадцать колѣцъ золотыхъ,
Двѣнадцать серебряныхъ также колѣцъ, чудное ложе
Обдѣлано все перламутомъ, и кисти краснаго шелку
Точно такiя жь висятъ у свѣтлой его рукоятки!»
Послушалась дѣва: на цыпочкахъ тихо вошедши, взяла
Съ постели отцовской ружье; Давыдово тутъ положила.

Бей сонный вздохнулъ и воскликнулъ: «Господи Боже! . . . .»
Нѣжно цѣлуя Елену, Давыдъ поклялся воротиться
Ружье отцовское дѣвѣ отдать. Каждую ночь
Поясъ спускался съ балкона. — Давыда же не было болѣ.

IV

Бей воскликнулъ: «Собаки-баскаки напали на насъ!
Невѣрные край нашъ вездѣ разоряютъ: бѣда да и только!
Ужаснѣе всѣхъ начальникъ баскаковъ поганыхъ Давыдъ:
Въ мѣшокъ его кожаный головы прячутъ убитыхъ враговъ!» —
Востины народъ собрался вкругъ стараго Бея.
Елена на кровлю взошла, чтобъ видѣть жестокую битву,
И тотчасъ узнала Давыда. Онъ пришпорилъ коня
И бросился противъ отца ея стараго Бея. Бей
Увѣренный слишкомъ въ побѣдѣ, первый выстрѣлилъ . . . . чудо! . . . .
Дало ружье одну только вспышку! какъ листъ онъ затрясся.
Пуля Давыда его поразила сквозь мѣдную броню.

Голову тотчасъ отрѣзалъ невѣрный старому Бею
И бритую за усъ сѣдой къ сѣдлу своему прицѣпилъ.

V

Елена не вопитъ, не стонетъ, не плачетъ: броню надѣваетъ,
И платье меньшаго юнаго брата; бросается въ схватку,
Убійцу коварнаго ищетъ. Юношу видитъ Давыдъ,
Цѣлится .... мигъ .... и юноша палъ бездыханный на землю.
Голову тотчасъ отрѣзалъ невѣрный юной дѣвицѣ;
Не видя усовъ, снялъ съ нея шапку, за косу взялся,
И видитъ онъ очи, чело и ланиты любовницы милой.
Припалъ онъ къ землѣ и мертвую голову страстно цѣлуетъ:
« Много бы злата отдалъ я за душу прелестной Елены,
« Каждую каплю бы крови купилъ по цехину .... несчастный!
« Безъ правой руки бы остался, когда бы живую увидѣлъ!...»
И кинулъ въ Востинскій колодезь ружье онъ волшебное Бея.

LXVI

СѢВЕРЯНИНЪ НА ЮГѢ.

Поля роскошныя вокругъ меня лежатъ,
И въ синихъ небесахъ играетъ лучь денницы;
Спокойствіемъ цвѣтутъ и дышутъ вѣчно лицы;
Прохладной нѣгою ручьи къ себѣ манятъ;

И струны юношей о славѣ мнѣ звучатъ;
Здѣсь пляшутъ и поютъ веселыя дѣвицы;
Здѣсь вьется виноградъ и рдѣютъ шелковицы;
Душистые цвѣты льютъ сладкой ароматъ.

Въ краю безоблачномъ брожу, одинъ, унылой,
Земля цвѣтетъ, — она здѣсь жизнью дышитъ той,
Что мнѣ была всегда любимою мечтой,

Во снѣ и на яву влекла волшебной силой... —
И вотъ теперь и я въ желанной сторонѣ:
По бурямъ сѣвера что-жь грустно стало мнѣ?

---

*

LXVII

СКАЛЫ.

На высотѣ угрюмыхъ скалъ,
Въ объятьяхъ матери-природы,
Я жизнь возобновилъ, я радости сыскалъ,
Я позабылъ утраченные годы!

Здѣсь все свѣжо: и персть, и тварь, и я!
И жизнь какъ дѣвственникъ полна любовной силы;
Эмблема вѣчности здѣсь ползаетъ змія,
Какъ мысль приволенъ здѣсь орелъ ширококрылый!

LXVIII

Я. Н. Т. . . . . У.

═══

Бываютъ дни, дни тяжкіе ненастья,
Все не по сердцу намъ; предчуствіе злосчастья,
Какъ камень на душѣ взволнованной лежитъ,
И бѣдную ее все мучитъ и страшитъ.

Бываютъ дни, дни черныя печали,
Когда не отживя—вы жизнь уже познали,
Когда на сердце вамъ, какъ аспидъ налегла
Суровыхъ опытовъ безжизненная мгла; —

Тѣ страшны дни! — они съ безуміемъ граничатъ.
Друзья васъ не поймутъ иль муки увеличатъ.
Ты понялъ, другъ, меня, ты сердцемъ отгадалъ,
Какъ много я терпѣлъ, какъ молча я страдалъ!..

———

LXIX

БОЯЗНЬ.

Чуть вѣетъ вѣтерокъ съ востока ароматный,—
Легко мнѣ . . . сладко мнѣ . . . о жизни сонъ пріятный,
Продлись, продлись и сердцемъ дай пожить —
И хладному уму дай чувствъ не пережить!

Боюсь не бурныхъ дней, боюсь я дней холодныхъ;
И старость и болѣзнь не устрашатъ меня:
Боюсь утраты чувствъ и думъ моихъ свободныхъ,
И вживѣ умереть страшусь навѣки я!

LXX

КОЛЫБЕЛЬ ГЕНІЯ.

Вотъ здѣсь почіетъ онъ—младенецъ-исполинъ,
Земли грядущій властелинъ!
Народъ кипитъ весь преданный бездѣлью;
И гдѣ ему младенца замѣчать?
Межъ тѣмъ, надъ дивнаго земною колыбелью,
Горитъ безсмертія печать;
Межъ тѣмъ младой Алкидъ въ пеленкахъ душитъ змѣя,
Коварство палицей разитъ,
И міру высказать презрѣнья не умѣя —
Рученкой старому грозитъ.

LXXI

ПОДРАЖАНІЕ СААДИ.

Я надѣну тюрбанъ,
Закурю я кальянъ;
Подпояшусь ремнемъ
И повѣшу на немъ
Пистолетъ, ятаганъ;
Не на мягкій диванъ,
Сяду я отдыхать:
Я поѣду стрѣлять,
И топтать, и рубить,
И невѣрныхъ губить.

Кто посмѣетъ сказать,
Что Саади писать
Лишь умѣетъ, да спать?
О, пророкъ Магомедъ!
Предъ тобою поэтъ
Душу всю обнажилъ—
И въ нее ты вложилъ
Бриліантовой цвѣтъ;
Пусть же вѣдаетъ свѣтъ:
Что пророкъ—Магомедъ,
Что Саади—поэтъ!

LXXII

ДУМА.

Зевесъ! не тебя ли скупцы, властолюбцы,
Такъ много о жизни своей умоляютъ?
Ты, вѣчно правдивый, глупцамъ не внимаешь;
Отъ смерти ни злато, ни власть не укроютъ.

Кровь, слезы, вы льетесь всемірнымъ потопомъ;
Не сыщемъ мы мѣста, гдѣ можнобъ укрыться,
Отъ грозъ и отъ слезъ на мигъ отдохнуть —
И сердце согрѣть святою любовью.

Что жизнь? куда по землѣ мы стремимся?
Рабы мы страстей; въ оковахъ дряхлѣя,
Сами себѣ роемъ могилу;
Судьбу проклинаемъ старцы-младенцы!

Что разумъ? тусклый, невѣрный свѣтильникъ!
А счастіе? день безоблачной жизни.
Истина кроется въ мірѣ подобно
Молніи въ небѣ: на мигъ освѣщаетъ
Черную бездну злодѣйствъ и безумья.

Приличье и мнѣнье — сковали все въ мірѣ;
Безчестіе — честью, коварство разсудкомъ
Ужь стали. Сердца превратились въ каменья.
Высокія чувства смѣшны и позорны:
Такъ люди приличью и мнѣнью покорны.

Блаженъ, кто подъ сѣнью отъ бури укрылся;
Блаженнѣй стократно, кто все испыталъ,
Умъ мужа и опытность мудрую старца
Съ сердцемъ младенца въ себѣ сочеталъ.

Онъ паркѣ молиться объ жизни не будетъ;
Не станетъ искать онъ богатствъ и честей:
Въ тиши захолустья весь міръ позабудетъ
И миръ обрететъ онъ подъ кровлей своей.

LXXIII

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(Л. Л. Ж....ой.)

Чье сердце втайнѣ не волнуетъ
Любви и нѣги полный взоръ?
Не увлечетъ, не очаруетъ —
И гибкій станъ и разговоръ?

Не приметъ въ дѣвѣ кто участья;
Кто съ нею слезы не прольетъ:
Когда какъ перлъ любви и счастья
Въ ея очахъ слеза блеснетъ?

Судьбы внезапной перемѣна,
Предвижу я, васъ посѣтитъ,
И свѣточь вѣрнаго Гимена
Вамъ путь невѣрный озаритъ;

Тогда забудете-ль поэта,
Кто вамъ добра желалъ вполнѣ:
Въ тиши семейной, въ шумѣ свѣта,
Въ кругу друзей, на единѣ?

Иль можетъ тщетныя мечтанья
Лелѣетъ вѣтреный поэтъ!
Какъ дальній звукъ, — воспоминанье
Возьметъ пучина благъ и лѣтъ.

LXXIV

НОЧЬ.

Есть часъ таинственный духовныхъ наслажденій —
То ночи часъ: когда весь міръ успетъ,
Когда окружена толпой земныхъ видѣній
Луна по небесамъ лазоревымъ пойдетъ.

Духи свѣтлые совьются
Вкругъ луны златымъ кольцомъ,
И лучи съ небесъ польются
Блеща яркимъ багрецомъ.

И въ этотъ часъ
Летятъ на насъ,
Съ лучемъ луны
Мечты и сны.

О, кто воздвигъ чудесный этотъ храмъ?

Тьмы лампъ горятъ и дубы-исполины
Подперли куполъ тотъ, и гордо къ небесамъ
Ушли съ земли ихъ темныя вершины!
Вотъ ночь! вотъ пиръ! въ объятіяхъ природы —
Душа полна любви и нѣги и свободы.

И мечтанія слетаютъ
Не замѣтно съ вышины,
И видѣнія мелькаютъ
Чуть луной озарены.

Кто скажетъ намъ,
Что къ небесамъ —
Не это путь?...
Внезапно въ грудь
Мечта слетитъ
И озаритъ
Видѣній рой;
Они толпой
Передъ тобой
Съ небесъ летятъ,
И за собой —
Туда манятъ!

Смотри: востокъ пылаетъ отъ огня,
То дню предшествуетъ румяная заря;

Мечты и сны мгновенно улетаютъ,
Видѣнья блѣдныя въ огнѣ небесъ сгараютъ!
Воздушною стезей итти утомлена,
Съ звѣздами кроется медлительно луна
Небесъ лазоревыхъ въ таинственныя сѣни,
И настаютъ часы житейскихъ треволненій!

LXXV

ЖЕНЩИНѢ-ПОЭТУ.

Не уста твои сахарны
И не очи мнѣ твои,
Что такъ живы и коварны
Дышатъ нѣгою любви, —
Нѣтъ, мнѣ милъ души избытокъ,
Сердца дѣвственная мощь;
Твой пегасъ уменъ и прытокъ;
На землѣ ты къ небу вождь!
И широкимъ сильнымъ бѣгомъ
Мчитъ тебя твоя ладья —
Феба къ пиршественнымъ нѣгамъ,
Къ цѣли высшей бытія.

Ты песешься сладострастно
Къ заповѣданнымъ брегамъ —
Такъ свѣтла и такъ прекрасна,
Какъ хваленій фиміамъ!
Я молю, изъ тьмы Эреба
Простирая къ небу длань:
Съ высоты лазурной неба
На земли скитальца взглянь!

LXXVI

Въ лазурныхъ долинахъ безбрежныхъ небесъ
За солнцами солнцы таятся,
Гармонія сферъ тамъ, тамъ много чудесъ,
Туда бъ на раздолье помчаться!

Туда бы упиться восторгомъ святымъ,
Съ безплотными братьями слиться,
На грѣшную землю дождемъ огневымъ
И бурей оттоль возвратиться!

Сожечь и развѣять грѣховный весь сонмъ,
Священную жатву засѣять,
Потомъ издавать бы таинственный громъ
И молніей въ облакѣ рѣять.

---

*

LXXVII

ГОНЕЦЪ.

— Куда ты бѣжишь по дорогѣ,
Иль съ вѣсточкой посланъ какой
О новой военной тревогѣ,
Повѣдай, гонецъ молодой?

«Несусь я къ родимому краю,
Везу золотое кольцо,
Да крестикъ святой, и съ Дунаю
Вотъ это везу письмецо.

«Послалъ ихъ обручникъ съ могилой,
Примолвя: колечко—женѣ,
А крестикъ мой — матушкѣ милой,
Пусть помнятъ, молясь обо мнѣ;

А грамотка — деткамъ любимымъ,
Послѣдній наказъ мертвеца:
Чтобъ были родные — родимымъ,
Врагами — врагамъ ихъ отца.»

LXXVIII

ВОСТОЧНЫЙ АПОЛОГЪ.

Гогрулъ Султанъ умирая призвалъ трехъ сыновей.
« Дѣти мои, онъ сказалъ имъ, чувствую близкую смерть,
Но прежде чѣмъ ангелъ возьметъ мою душу изъ бреннаго тѣла,
Каждому дамъ я отцовскій совѣтъ, слушайте дѣти....
(И Принцы, рыдая, клялися хранить отцовскую волю).
Гогрулъ Султанъ обратяся къ старшему сыну сказалъ:
« Ты мой наслѣдникъ, послѣ смерти моей прикажи

Въ городѣ каждомъ обширнаго царства строить дворецъ;
Ты, сказалъ онъ второму, женись ежедневно на дѣвѣ;
А третьему: масла и меду во всякую пищу клади. »

Умеръ Гогрулъ Султанъ. Сынъ его старшій велѣлъ
Въ городѣ каждомъ обширнаго царства строить дворецъ;
Средній же сталъ ежедневно жениться на юной дѣвицѣ,
А младшій всегда пищу съ масломъ и медомъ вкушать.

Мудрецъ это увидя, дѣтямъ Гогрула сказалъ:
Юноши! старецъ предъ смертью совѣты вамъ мудрые далъ,
Но вы не постигли его наставленій: хотите буквально
Ихъ исполнять. Гогрулъ велѣлъ старшему сыну
Въ городѣ каждомъ обширнаго царства строить дворецъ,—
Онъ разумѣлъ: въ городѣ каждомъ полезно имѣть
Богатаго, знатнаго друга, чтобы въ несчастьи найти
Убѣжище въ домѣ его; несчастье грозитъ и Султану.

Когда же сказалъ онъ второму: женись ежедневно на дѣвѣ, —
Совѣсть подъ дѣвою онъ разумѣлъ, непорочную совѣсть!....
Младшему съ масломъ и медомъ велѣлъ пищу вкушать,
Выразить этимъ хотѣлъ: будь ты привѣтливъ и добръ.

LXXIX

МЕЧТА ОДНА!

Когда душа у васъ тоскуетъ,
И мысль витаетъ по мірамъ,
И сердце бьется и бушуетъ,
И міръ—поэзіи вамъ храмъ;
Когда у васъ въ открытой груди
Пылаетъ жизнь и страсть видна,
Провозгласить готовы люди:
Мечта одна! мечта одна!

Когда на все, что въ мірѣ ясно,
Достойно жертвы и любви,
Съ надеждой смотрите прекрасной,
Полусчастливы ею вы;

Когда надѣть любви оковы,
Любить и жить душа сильна,
Провозгласить толпы готовы:
Мечта одна! мечта одна!

LXXX

В. Н. А...ОЙ.

Скажите, кто внушаетъ эти
Порывы, образы, мечты?
Кто мчитъ къ высокой, вѣрной мѣтѣ
Васъ въ лоно вѣчной красоты?

Какой колдунъ иль магъ чудесный,
Вручилъ вамъ дивный талисманъ—
Въ странѣ существенности тѣсной
Творить фантазій океанъ?

Скажите, кто рукой всесильной
Изъ темной области суетъ
Васъ перенесъ къ странѣ той дивной,
Гдѣ вамъ безсмертья блещетъ свѣтъ?

Люблю внимать вамъ, думы полный,
Душой слѣдить души полетъ —
И улетать туда невольно,
Гдѣ ваше творчество живетъ!

Такъ въ мигъ безмолвныхъ упоеній,
Люблю внимать я моря стонъ:
О, тамъ, среди морскихъ волненій
Мной міръ земной преображенъ!

Молчу, дивлюсь, внимаю стону
Разгульныхъ на морѣ валовъ:
Такъ лиры вашей внемлю звону,
Гармоньи сладостныхъ стиховъ.

Доволенъ участью моею —
И счастливъ мыслью я одной:
Что васъ вполнѣ я разумѣю,
Цѣню достойною цѣной!

Пускай мой жребій незамѣченъ,
И дымъ похвалъ не для меня:
Вниманьемъ вашимъ обезпеченъ,
И гордъ и свѣтелъ духомъ я!

LXXXI

ПРОИСХОЖДЕНІЕ НЕЗАБУДКИ.

Тамъ, гдѣ легкія Сильфиды
Въ хороводы собрались,
Гдѣ на праздникѣ Киприды
Феи праздновать сошлись,
Гдѣ янтарныя лампады
Освѣщаютъ дивный храмъ,
Блещутъ златомъ колонады,
Дышатъ статуи Геллады
И курится фиміамъ:

Тамъ, въ бесѣдкѣ изъ акацій,
Спалъ прекрасное дитя,
Вкругъ него веселыхъ грацій
Всюду рѣзвилась семья;

Близъ дитяти лукъ спущенный
И колчанъ безъ стрѣлъ лежалъ;
Богъ коварный, утомленный,
Страстно въ Душеньку влюбленный,
И во снѣ объ ней мечталъ.

Щечки розами пылами,
Страстью рдѣлися уста,
Жилки бились, трепетали,
Кудри съ вѣтрами играли,
Онъ былъ нѣга и мечта.
Страстью къ богу пламенѣя,
И любовь отъ всѣхъ тая,
Близъ него стояла Фея —
Жизнь печальную кляня;
Перлы горести катились
Изъ лазоревыхъ очей,
Какъ роса на прахъ ложились,
Изъ него цвѣткомъ явились
Глазъ красавицы нѣжнѣй.

LXXXII

СЕСТРѢ.

(При посылкѣ портрета Л. Байрона.)

Чудесной силой пѣснопѣнья
Умѣетъ Байронъ чаровать,
И вопль души и чувствъ волненья
Своимъ струнамъ передавать.
Внимай ему тоской убитый,
Кто въ жизнь надежду погубилъ,
Кто на поблекшіе ланиты
Кровавыхъ слезъ потокъ пролилъ;
Внимай ему безъ сожалѣнья,
Безъ слезъ, безъ скорби, безъ страстей,

Ищи въ немъ словъ для выраженья
Ужасныхъ мукъ души своей;
Но ты, какъ Пери молодая,
Гляди на чудный ликъ пѣвца,
Его судьбу воспоминая:
Жалѣй въ немъ мужа и отца.

LXXXIII

Взглянь: востокъ небесъ свѣтлѣетъ,
Убѣгаетъ ночи тѣнь,
И нагорный вѣтеръ вѣетъ,
И ужь близокъ яркій день!

Близко солнце, море свѣта,
Сокрывайся ночи тьма:
Божество грядетъ поэта,
Торжество его ума!

Подымайся, разсыпайся
Фебъ лучами по землѣ!
Міръ уснувшій просыпайся,
Полно жить тебѣ во мглѣ!

Предъ тобой твоя дорога,
Бодро въ путь по ней иди;
Свѣтъ и жаръ поэзьи бога
Твой вожатый впереди!

Не довѣрчиво взираетъ
Хладный мiръ на солнца свѣтъ:
Свѣчку знанiй зажигаетъ —
Вѣренъ солнцу ты, поэтъ!

LXXXIV

МАЛОРОССІЙСКАЯ БАЛЛАДА.

Ночь морозна, свѣтла;
Будто паръ изъ котла
Дымъ валится изъ хатъ;
Вмѣстѣ съ нимъ на подрядъ
Вѣдьмы всѣ поднялись,
Въ небѣ клубомъ свились.

И полночной порой
Вотъ одна за одной
Стали звѣзды мелькать
И съ небесъ пропадать:
Стали вѣдьмы ихъ красть
И за пазуху класть.

*

Въ чистомъ небѣ одна
Ходитъ тихо луна.
Вотъ . . . чернѣетъ пятно
И все болѣ оно —
Расширяясь, идетъ,
Все по небу впередъ.

Средь воздушныхъ равнинъ
Изъ пятна — исполинъ
Выросталъ, выросталъ
И къ лунѣ подбѣжалъ;
Чуть луны не схватилъ
И назадъ отскочилъ

Онъ рукой помахалъ,
Да ее пососалъ, —
И въ минуту одну
Ухвативши луну,
Заховалъ подъ кожухъ
И изчезнулъ—злой духъ.

Воръ ночной — это *онъ*.
Потемнѣлъ небосклонъ.
Отщепенецъ казакъ
Забрался на чердакъ,

И съ веревкой въ рукахъ
Ищетъ балку въ потьмахъ; —

Но во тьмѣ не найдётъ . . . .
Вдругъ—является чёртъ:
« Али, кумъ, удружить
И тебѣ посвѣтить,
Вѣдь слыхали мы встарь,
Ночью нуженъ фонарь?»

— Добре, кумъ, посвѣти,
Кое-что мнѣ найти. —
Чёртъ не глупъ: посвѣтилъ,
Да луну притаилъ;
А казакъ въ этотъ мигъ
Захрипѣлъ—и затихъ.

Онъ на утро найденъ
И въ степи погребенъ;
Всякъ бѣжитъ этихъ мѣстъ,
Гдѣ не камень, не крестъ
Былъ съ мольбой положенъ,
А съ веревкой рожонъ.

LXXXV

Люблю я слушать въ часъ полночи
Напѣвъ любовный соловья,
Топить въ далекомъ небѣ очи,
Лелѣять рѣзвое дитя;
Люблю межь ночью и денницы
Въ поляхъ носиться на конѣ;
Но пѣсни милушки дѣвицы
Милѣй всего на свѣтѣ мнѣ!
Въ тотъ часъ, когда я ей внимаю:
Я будто слышу соловья,
Я будто въ небѣ утопаю —
И самъ, какъ будто, я дитя!

LXXXVI

СЛУЖИВЫЙ.

═

От садов и мирных пашен
На кровавыя поля,
Под зубцы Турецких башен
Перенесся мыслью я, —
В оно время, под Очаков,
Под убийственный огонь:
— Старый хрыч, ты был инаков,
Уходился словно конь!
Где-ж твой пыл? в былые годы
Знал-ли усталь, старина?—
«Уходили, брат, походы,
Вражья пуля, да жена!...»

LXXXVII

УКРАИНСКІЯ СТЕПИ.

Волнуется море, сѣдой океанъ;
Ходятъ тяжелыя тучи;
Не море волнуется—сѣрой бурьянъ,
Песокъ разходился сыпучій.

Песчаный, зелено-сребряной лугъ,
По всюду равно безпредметный;
Топтали ли рати, влачился ли плугъ
Въ пустыняхъ Украйны завѣтной?

Давно-ль обезлюдили селы твои?
Забыты на холмахъ кумиры?
Потоковъ изсякли на вѣки струи,
И грады обширные сиры?

Давно ли курганы на стражѣ стоятъ
Въ степи твоей вольной Украйца?
Подъ ними останки твердыней лежатъ,
И скрыта судьбы твоей тайна?

Отвѣтствуютъ степи: «время давно
И многое въ насъ измѣнило,
Мы морю служили — морское мы дно,
Но море давно уже сбыло.

«Гдѣ птичка витаетъ и пѣсни поетъ,
Тамъ нѣкогда пѣнились волны,
А долы, гдѣ бродитъ безпечный народъ
Кипѣли чудовищьми полны.

«Иныхъ намъ чудовищь выкидывалъ рокъ:
Врывались народы толпами
Въ предѣлы Украйны—бросалъ ихъ востокъ;
Какъ волны смѣнялись волнами,

«Такъ орды Кончака и Крымцы текли,
Жилища, лѣса пепелили,
Животныхъ угнали и женъ увели,
Младенцевъ и старцевъ убили.

« Но орды Кончака и хищныхъ Татаръ
Ничтожны предъ злобою Ляховъ:
Какъ лютая язва иль страшный пожаръ,
Они истребляли казаковъ.

« Съ тѣхъ поръ обезлюдили селы мои,
Забыты на холмахъ кумиры,
Изсякли на вѣки потоковъ струи —
И грады обширные сиры!

« Съ тѣхъ поръ и курганы на стражѣ стоятъ
Въ раздольяхъ широкихъ Украйны,
Предъ ними останки твердыней лежатъ —
И скрыты грядущаго тайны. »

LXXXVIII

Слова твои безъ вымысловъ кокетства,
Осанка стройная и блескъ твоихъ очей —
Все просто, мило все; не вѣдаешь ты средства,
Чтобъ быть красивѣе, казаться чтобъ милѣй.

Ни что тебя отъ дѣвъ другихъ не отличаетъ,
Ты—умненькая дочь безвѣстнаго отца;
Но кто тебя узналъ, тотъ вѣрно обожаетъ,
И въ платьѣ скромненькомъ — достойна ты вѣнца.

Былъ пиръ вчера; тамъ весело кружились,
Гремѣла музыка, гремѣли голоса, —
Взошла ты—смолкнули и всѣ остановились,
Какъ бы нечаянно чему-то изумились,
Какъ бы нечаянно свершились чудеса.

И каждый спрашивалъ, тѣсняся у порога:
Скажите, кто вошелъ? увѣдомьте меня?
И вымолвилъ поэтъ: «слетѣлъ къ намъ Ангелъ Бога,
Почтили всѣ его—узналъ его лишь я!»

LXXXIX

МОСКВА.

═

Москва! Москва! твой Кремль краснорѣчивый
И царскій теремъ твой, и гулъ колоколовъ,
Зажгутъ въ душѣ холодной и лѣнивой
Мечтанья о быломъ подъ сѣнію гробовъ!

Здѣсь нѣкогда скакалъ Полякъ властолюбивый,
Бродилъ Французъ подъ знаменемъ орловъ.
Изчезли, какъ мечты фантазіи игривой,
Иноплеменники:—ты мать родныхъ сыновъ!

Палладіумъ любви и славы ты народной,
Ты колоколъ во славу прежнихъ лѣтъ,
Ты сердце матери Россіи благородной,

Тебѣ завидуетъ, тебя трепещетъ свѣтъ!
Привѣтствуетъ тебя твой сынъ хвалой свободной,
И—чествуетъ въ тебѣ отечество поэтъ!

LC

КРЕСТОНОСЕЦЪ.

Въ печальномъ раздумьи предъ дѣвой младою,
Стоялъ крестоносецъ подъ липой густою.
О звуки, вы звуки неситесь волной!

Онъ пѣлъ ей про битвы у водъ Іордана,
Про гору святую и кедры Ливана;
Ланиты дѣвицы кропились слезой.

Онъ пѣлъ ей про подвиги рати Христовой,
Труды и обѣты ихъ жизни суровой;
Ланиты дѣвицы кропились слезой.

Онъ пѣлъ объ Эдемѣ доступномъ избраннымъ,
Поборникамъ гроба, смертью вѣнчаннымъ;
Ланиты дѣвицы кропились слезой.

Онъ пѣлъ объ любви ей святой и небесной,
И вздохи летѣли изъ груди прелестной;
Ланиты дѣвицы кропились слезой.

И ставъ на колѣна предъ дѣвой младою
Умолкъ пѣснопѣвецъ, поникъ головою;
Ланиты дѣвицы кропились слезой.

И взоры съ молитвой горѣ устремила,
И юношѣ руку и жребій вручила;
И очи дѣвицы блестѣли слезой.

Чрезъ день, Крестоносецъ съ женой молодою,
Сидѣлъ все подъ тою же липой густою,
И пѣсни все тѣ же они напѣвали,
И волны и рощи ихъ звукамъ внимали;
Ланиты счастливцевъ кропились слезой,
И звуки дрожали, бѣжали струей!

XCI

Доступны ли тебѣ созданія поэта?
Природа для толпы бездушна, беззвучна,
Восторгомъ оживи бездушнаго скелета:
На звукъ души твоей откликнется она!

Она раскинется широкими полями,
Громадой вѣковой взовьется къ облакамъ,
Заплещетъ, закипитъ бездонными морями:
Тогда внимай ея таинственнымъ словамъ!

Поэтъ прислушался къ гармоніи чудесной,
Не разъ природу онъ въ безмолвьи вопрошалъ,
Въ громаду хладную вдохнулъ онъ огнь небесный,
И отзвуки ея намъ въ звукахъ передалъ.

XCII

Подземныя бездны у насъ подъ стопами;
Небесные громы у насъ надъ главами;
Живемъ на костяхъ мы отжившихъ племенъ.
Весь міръ нашъ могила былыхъ поколѣній;
И что же? . . . другъ другу во слѣдъ мы идемъ
Невѣрной стезею однихъ заблужденій!

И вѣки проходятъ во слѣдъ за вѣками,
И гробы ложатся во слѣдъ за гробами;
Незыблемъ судьбины всевышній законъ;
Не видно въ природѣ иныхъ отступленій.
Не даромъ былъ смертный къ скалѣ пригвожденъ:
Знать боги не терпятъ земныхъ измѣненій.

XCIII

ДВѢ СКАЛЫ.

Между двухъ скалъ крутясь, сверкая,
Ручей то молкнетъ, то журчитъ,
То груды камней подмывая,
Ихъ съ злобной радостію мчитъ:

Не такъ ли, ковы всѣ ничтожа,
И жизнь моя бѣжитъ ручьемъ?
Не такъ ли двѣ скалы—два ложа
Съ земнымъ граничатъ бытіемъ?

О, колыбель и гробъ! столѣтья
Объ васъ намъ истину рекли:
Гробъ—колыбель для насъ безсмертья,
А колыбель—есть гробъ земли.

---

*

XCIV

ОДИНОЧЕСТВО.

Мнѣ грустно, мнѣ тяжко: и ночью и днемъ
Вся жизнь одиноко влачится!
И съ кѣмъ разгорюю я горе? — потомъ
Весельемъ съ кѣмъ буду дѣлиться?

Есть други? ихъ много — хочу одного:
Въ несчастіи—счастье съ нимъ будетъ,
Сольемся душами — и сердце его
Жизнь сердца къ блаженству разбудитъ.

Есть жены и дѣвы ... но, что я для нихъ?
Пѣвецъ лишь не чуждый искуства;
А грустный мой жребій, мой трепетный стихъ,
Святаго исполненный чувства —

Нашли ли вы отзывъ въ душѣ красоты?
Въ чьемъ сердце зажгли вы участье? . . . .
Мнѣ грустно, мнѣ тяжко: мой жребій — мечты,
А сны золотые—мнѣ счастье.

XCV

ДѢВА И ПОЭТЪ.

Прекрасна дѣвица, когда ея ланиты
Отъ устъ сжигающихъ еще сохранены,
И очи влажностью туманной не облиты
И дѣвственны еще, и кротки юной сны,
И чисты помыслы, желанія хариты,
Какъ чисты небеса въ часъ утренній весны;
Красавица тогда подобна розѣ нѣжной:
И небо, и земля — все ей покровъ надежный.

Удѣлъ прекрасенъ твой любимецъ музъ, счастливый
Когда ты чуждъ корысти и похвалъ,

Не кроешь слезъ подъ маскою шутливой,
И Богу одному колѣна преклонялъ;
Чувствительный, возвышенный, правдивый,
Сберегъ тайникъ души, какъ чистый идеалъ.
Поэтъ, какъ сходенъ ты съ невинной красотою:
Ты долу насъ роднишь съ небесной высотою.

XCVI

ПОВѢРІЕ АРАБОВЪ.

Въ пустынѣ Египта, вблизи пирамидъ,
Арабъ разсказалъ мнѣ одну изъ касидъ.

« Невѣрные Франки на насъ напирали,
Рубили, губили, топтали и гнали.

Паша ихъ былъ карликъ, злодѣй чародѣй,
И тьмы погибали въ пустыняхъ людей.

Но волей Аллаха, молитвой Пророка,
Невѣрные скоро бѣжали съ востока.

На гибель имъ море Пророкъ возмутилъ.
Топилъ ихъ, губилъ и разилъ Азраилъ.

Невѣрныхъ погибло семьсотъ кораблей,
Въ живыхъ лишь остался Паша чародѣй.

Онъ чайку морскую за хвостъ ухватилъ,
Засѣлъ къ ней на спину, сюда прикатилъ.

Съ тѣхъ поръ у Арабовъ повѣрье твердитъ:
Онъ бродитъ у этихъ святыхъ пирамидъ;

Всевышнею силой злодѣй очарованъ...»
— А какъ чародѣй-то былъименованъ? —

«Я имя запомнилъ.... отцы говорятъ,
Его называли: Паша Бонапартъ!»

XCVII

НАДЕЖДА.

Молю, отрадная надежда,
Молю меня не оставляй,
Когда глупецъ или невѣжда
Подымутъ на меня свой лай.
И будь всегда въ моихъ трудахъ
Моей споспѣшницею вѣрной,
И отгони напрасный страхъ,
Презрѣннымъ быть толпой презрѣнной.
Увѣренъ я, что не напрасно
Въ душѣ моей огонь горитъ . . . .
О пусть, пусть голосъ твой хранитъ
Огонь сей чистой и прекрасной!
Такъ вѣрю я, что совершится
Святой, отрадной твой глаголъ:
Стократно трудъ мой наградится
Какъ изобильной жатвой долъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	*Читай:*
Стран.	35,	Строк.	1,	міра	мира
—	74,	—	1,	песчастіи	песчастьи
—	84,	—	12,	данію	дланію
—	69,	—	2,	цѣльпй	цѣнный
—	—	—	4,	цѣлымъ	цѣннымъ
119,	—	—	1,	Бѣгутъ шумятъ, шумятъ,	Бѣгуть, шумятъ,
—	158	—	6,	пылами,	пылали,

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound

